

СИМВОЛЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Ольга ЧЕРНУШЕНКО,

адъюнкт кафедры философии права и юридической логики
Национальной академии внутренних дел

Summary

In this article on philosophical and legal positions, taking into account new methodological approaches in the humanities, the symbolic nature of the judicial authority are researched. It is proved that the symbolic forms of representation of the judicial authority are determined by social and cultural context. Symbols of judicial authority are divided into two types: expressive and informative symbols that stand out axiological content sharply; and mappable and informative are characterized by the predominant informative component. Particular attention is paid to the phenomena of judicial robe and wig.

Key words: law, the judicial authority, legal phenomenon, symbol, symbols of the judicial authority, scientific globalization.

Аннотация

В статье с философско-правовых позиций, с учетом новых методологических подходов в гуманитаристике, исследуется символическая природа судебной власти. Доказывается, что символические формы представления судебной власти детерминируются социокультурным контекстом. Символы судебной власти подразделяются на два типа: выразительно-информационные – имеют ярко выраженное аксиологическое содержание, а отображательно-информационные – характеризуются превалирующим познавательным компонентом. Особое внимание уделено феноменам судейской мантии и парика.

Ключевые слова: право, судебная власть, правовой феномен, символ, символы судебной власти, научная глобализация.

Постановка проблемы. Особенностью современной гуманитаристики является использование достижений разных наук для более эффективного изучения объекта научной заинтересованности. «Научная глобализация» проявляется в свободном перемещении терминов, понятий, методов и методик исследования из одной науки в другую (яркие примеры – распространение идей З. Фрейда, представителей школы Анналов). Правоведение в целом и философия права не являются исключением из общего правила: сегодня они пытаются расширить свои проблемно-методологические и понятийно-категориальные границы. Попыткой такого современного похода в изучении права является заинтересованность знаково-символической природой правовых феноменов (по сути, использование достижений семиотики в процессе исследования права).

Изложение основного материала. Одним из затребованных сегодня объектов исследований в области правоведения, политологии и социологии является судебная власть. Символическость судебной власти обуславливается, прежде всего, на онтологическом уровне: как и любой другой вид власти, она – один из символических посредников в обществе.

Символическость судебной власти детерминируется также продолжительной национальной традицией и является результатом спонтанного формирования в процессе жизнедеятельно-

сти каждого отдельного сообщества. Судебная власть – это «рукотворный» феномен, поскольку формируется и целенаправленно внедряется в жизнь людьми (очень часто людьми, которые выполняют роль субъектов государственного управления). Касательно последних, то к месту будет обращение к концепции К. Гаджиева, в которой речь идет о том, что на поведение людей сильнее влияют не так действия правительства, политических партий и деятелей, как господствующая в обществе система символики, которая ориентирует людей на конкретный тип социальных отношений [1]. Похожих взглядов придерживается и украинский философ права О. Балынская, которая в процессе исследования семиотических аспектов права подробно разрабатывает вопросы взаимного влияния правовых знаков и правовой реальности, используя при этом в качестве иллюстративного подтверждения теоретических положений своей концепции материал, который касается судебной власти и правосудия [2].

В отечественной философии права и правоведении символический аспект судебной власти еще не стал объектом пристального научного внимания, хотя с проявлениями именно «символической» природы этой ветки власти мы постоянно сталкиваемся на повседневном уровне через использование и расшифровку ее символов и знаков.

Анализ философской литературы, посвященной проблеме символа и

знака, свидетельствует о наличии значительного количества семиотических концепций, в которых раскрывается сущность понятия «символ». В контексте этого исследования под символом мы будем понимать конкретно-зримое воплощение идей и идеалов как высших ценностей и смыслов, господствующих в конкретном сообществе и которые обуславливают развитие и функционирование культуры, а также воплощают в себе высшие духовные идеалы культуры, что позволяет считать их центральным образованием всего комплекса знаковых презентаций культуры. «Важной функцией правовых символов является экономия языковых и юридических средств. Символизация позволяет в предельно краткой условной форме выразить необходимую информацию о юридических особенностях ситуации. Вместо подробного письменного текста или устного разъяснения правовых требований перед субъектами возникает наглядный образ необходимого отношения к ситуации» [3, с. 71].

Исходя из многообразия человеческой жизни и символических форм ее представления, формируется вопрос о классификации символов. На наш взгляд, наиболее удачную классификацию символов предложили Л. В. Уваров и Г. В. Субач [4], которую мы и будем использовать для классификации символов судебной власти. Таким образом, символы судебной власти можно поделить на два типа – выразительно-инфор-

мационные (с ярко выраженным аксиологическим содержанием) и отображательно-информационные (с превалирующим познавательным компонентом).

У выразительно-информационных символов наблюдается преобладание чувственного компонента, поэтому они непосредственно влияют на эмоциональное восприятие реципиента. Как правило, такие символы создаются людьми для выражения творческих идей, представлений, идеалов и направлены на формирование правовых эмоций, чувств и переживаний. Такие символы еще называют недискурсивными, поскольку они лишены способности научного прогнозирования. По своей природе недискурсивные символы (выразительно-информационные) судебной власти влияют на человека через посредничество чувственного образа в доступной яркой форме. Чувственно-информационные символы судебной власти можно сгруппировать:

а) символы, направленные на чувственную сферу, – невербальные явления: изображения, предметы и т. п. Например, государственная символика, судейская мантия и другие атрибуты судейской деятельности, печати, бланки судебных учреждений, подписи должностных лиц или гражданина (человека) на официальных документах;

б) кинетические символы: жесты и позы тела. Наиболее интересной, с нашей точки зрения, есть поза сидения. Судья или судья – единственные, кто в зале суда имеют право сидеть во время судебного процесса. И можно согласиться с тем, что «судья, который во время процесса сидит по возможности неподвижно, а потом внезапно встает для произнесения приговора, ярче всего выражает это соотношение» [5, с. 155], свою власть и значимость;

в) слова и словесные формулы, которые имеют условное значение;

г) звуки и музыкальные образы (например, звучание государственного гимна).

Из символов первой группы подробнее рассмотрим судейскую мантию. Мантия в широком смысле слова является разновидностью торжественно-ритуальной одежды. Только облаченный в мантию член сообщества имел права осуществлять ритуальные действия. Этимологической особенностью слова «мантия» является то, что оно происхо-

дит от греческого *mantion* и обозначает одеваемое поверх другой одежды широкое и длинное одеяние, подчеркивающее особый социальный статус того, кто его имеет право носить. Одевание мантии судьей имеет глубокий символический смысл, знаменующий духовный переход в состояние ритуала: одев мантию, судья таким образом оставляет гражданское платье для мирских дел и посвящает себя только рассмотрению дела. «Судьи и в наши дни, прежде чем приступить к отправлению правосудия, выходят за рамки «обыденной» жизни: облачаются в мантию...», – утверждает Й. Хейзинга [6, с. 94]. Со времен древности судьи многих стран одевают мантии, символизируя всем, что в процессе осуществления правосудия они беспристрастны, независимы, не оказывают предпочтение одной из сторон, действуют в границах закона. Кроме того, мантия свидетельствует об особом социальном статусе индивида: мантию не разрешается одевать тем, кто не прошел квалификационных испытаний и не имеет официального подтверждения своей причастности к судейскому сообществу.

В мировой судейской практике изменения в форме мантий скорее исключение, чем правило. Традиционным для многих государств Западной Европы является наличие мантий двух цветов – черного (их носят судьи низших судебных инстанций) и красного (для судей высших судебных инстанций). Также в отдельных государствах существуют дополнительные символы, которые в комплексе с мантией создают единый символ судебной власти: в Великобритании мантия дополняется париком (до 2008 года парики были обязательными для всех судей, а после 2008 года – только для судей, которые рассматривают уголовные дела или в особых торжественных случаях); в Германии – обязательным является бархатная окантовка на мантии, во Франции – шарф с оторочкою из белого меха. Одежда судей африканских стран зависит от того, чьей колонией была конкретная страна (преимущественно, английский или французский вариант), а в государствах Латинской Америки вообще не используется мантия как специальная одежда для судей [7].

Символы второго типа – дискурсивные – характеризуются доминиру-

ванием рационально-познавательного компонента. К таким символам следует отнести:

а) слова и предложения естественно-го языка, но такие, которые максимально лишены чувственных ассоциаций – юридические категории и понятия;

б) искусственно созданные понятия и термины для обозначения явлений правовой реальности (например, лексика судебных заседаний);

в) слова и словесные формулы, которые имеют условное значение (присяга, клятва, декларация и т. п.).

Современное позитивное право, пытаясь охватить своей регламентацией, все сферы человеческой жизнедеятельности, не обошло стороной и регламентацию характерных для судебной власти символов. Более того, на законодательном уровне устанавливается, какой именно предмет является символом судебной власти. Анализ основных нормативно-правовых актов, регламентирующих функционирование судебной власти в постсоветских государствах, показал, что приблизительно одни и те же предметы признаются символами судебной власти: государственный герб, судейская мантия, должностной знак судьи, удостоверение судьи и т. п.

Также следует уделить внимание так называемым естественным символам, которые «работают» в судебной власти. К естественным символам судебной власти относятся те символы, которые формируются и окончательно оформляются в глубинах конкретной социальной общности и имеют все характеристики традиции, но при этом санкционируются государством. Например, парик судьи в Англии. Культурно-исторические детерминанты признания парика одним из символов судебной власти в Англии были исследованы известным философом XX века Й. Хейзингой. «Исследовал ли кто-нибудь этот костюм английских правоведа с точки зрения этнологической? Мне представляется, что с модой на парики, бытовавшей в XVII и XVIII веках, сей обычай связан не в первую очередь. Собственно говоря, wig [клин] есть продолжение старого атрибута правоведа Англии – *coif*, плотно облегающей белой шапочки, которую и поныне имитирует белый краешек, выглядывающий наружу из-под парика.

ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Татьяна ЧОЛАН,

аспирант кафедры уголовного права

Национальной академии прокуратуры Украины, юрист 1 класса

Summary

This article analyzes the foreign legislation governing the protection of the secrecy of adoption, establishes relationship between the concepts of "secrecy of adoption" and "privacy". It pays particular attention to the psychological aspect of the problem of the secrecy of adoption. The author concludes that the development of legislation regulating the confidentiality of adoption in Russia and Ukraine has been influenced by a number of social and psychological factors, public opinion being one of them. In the legislation of other countries is quite rare to find an express prohibition and criminal liability for the disclosure of the secret of adoption. Openness in providing periodic information about adopted children will increase the chances of early detection of problems in their lives.

Key words: adoption, secrecy, security, secrecy disclosure, privacy, criminal liability, legislation

Аннотация

В статье анализируется законодательство зарубежных стран, регулирующее охрану тайны усыновления, устанавливается соотношение понятий «тайна усыновления» и «неприкосновенность частной жизни». Особое внимание уделено психологическому аспекту проблемы тайны усыновления. Автор делает вывод о том, что на законодательное закрепление тайны усыновления в России и Украине повлиял ряд социально-психологических факторов, один из которых – общественное мнение. В законодательных актах других стран достаточно редко можно встретить прямой уголовно-правовой запрет разглашения тайны усыновления. Открытость в предоставлении периодической информации об усыновленных детях увеличит шансы более раннего обнаружения проблем в их жизни.

Ключевые слова: усыновление, тайна, охрана, разглашение тайны, частная жизнь, уголовная ответственность, законодательство

Постановка проблемы. В отечественной и зарубежной юридической литературе немало внимания уделено тайне усыновления и её уголовно-правовой охране. Вместе с тем неразрешенным остается вопрос гармонизации национального уголовного законодательства в исследуемой сфере.

Актуальность темы. Особый общественный резонанс вызывают случаи жестокого обращения с усыновленными (удочеренными) детьми, в том числе с детьми, которых усыновили и вывезли за рубеж. Одним из главных аспектов проблемы осуществления эффективного контроля за соблюдением прав таких детей, их дальнейшей жизнью в семьях усыновителей является существование ограничений, связанных с доступом к информации о происхождении ребенка.

Целью статьи является анализ законодательных норм, существующих подходов и взглядов на проблему тайны усыновления, установление соотно-

шения понятий «тайна усыновления» и «неприкосновенность частной жизни».

С позиций гражданского права изучению проблемы тайны усыновления, в том числе в контексте гражданско-правовой охраны личной жизни физических лиц, посвятили свои работы: В.И. Бобрик, Е.В. Буянова, И.В. Ковальчук, Н.В. Летова, О.П. Махник, Н.В. Устименко. Проблематика уголовно-правовой ответственности за разглашение тайны усыновления исследовалась: Н.А. Василенко, В.В. Гальцовой, О.П. Горпинюк, Н.С. Змеевой, Г.С. Куликовских, А.О. Морозовой, Ю.А. Песковой, А.А. Саматовой, О.В. Тавлуй. О тайне усыновления с точки зрения психологии писали: Б. Кифер, Л.Г. Подоляк, Д. Скулер.

Трудно переоценить роль культуры в жизни человека. Значение культуры для всестороннего понимания поведения человека больше не оспаривается какой-либо областью науки, которая изучает поведение человека. Культу-

Но и сам судейский парик представляет собой больше, чем просто реликт старинного церемониального облачения» [6, с. 94-95].

Символическая природа судебной власти требует сегодня дальнейшего изучения, поскольку это направление в отечественном правоведении не является достаточно разработанным, тем более, что семиотика как наука и как способ объяснения социального мира уже имеет достаточно оснований считаться полноправной составляющей всей гуманитаристики. Таким образом, правовые явления и судебная власть в частности могут исследоваться с помощью семиотических методов и приемов.

Список использованной литературы:

1. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку : учебн. для вузов. – 2-е изд. – М. : Издательская корпорация «Логос», 1997. – 544 с.

2. Балинская, О. М. Семиотика права : монография. – Львів. держ. ун-т внутр. справ. – Львів : ЛДУВС, 2013. – 415 с.

3. Вопленко Н. Н. Правовая символика / Н. Н. Вопленко // Правоведение. – 1995. – № 4-5. – С. 67-71.

4. Уваров Л.В. Символизм в познании. – Минск : Изд-во Наука и техника, 1971. – С. 20-23; Субач Г.В. Отражательная функция символа. – М., 1985. – С. 14-15.

5. Кенетти Э. Элементы власти // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара : Издательский Дом «БАХРАС», 1999. – С. 120-169.

6. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

7. Судейская мантия как лицо правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fashiony.ru/page.php?id_n=58369.